

~~ДВОЙНОЕ ДНО~~

ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

*Автор выражает глубокую признательность
Билли Айдолу за то, что он великодушно позволил
использовать текст его песни в этой книге*

ЭЙМИ МОЛЛОЙ

ИДЕАЛЬНАЯ МАТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
М75

Aimee Molloy
THE PERFECT MOTHER

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения агентств
Jenny Meyer Literary Agency и The Book Group

Перевод с английского *Марианны Каменской*

Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Моллой, Эйми

М75 Идеальная мать: [роман] / Эйми Моллой ; [пер. с англ. М. Каменской]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Двойное дно: все не так, как кажется).

ISBN 978-5-17-112026-9

Они просто собирались немного отдохнуть. Что плохого могло случиться?

Пока матери веселились в баре, случилось страшное: ребенка одной из них похитили прямо из колыбели. Младенцам было всего несколько недель от роду, и все они появились на свет в мае — поэтому женщины называли себя Майские матери. Уинни, самая красивая и загадочная из них, очень не хотела оставлять своего сына Мидаса с няней, однако уступила под напором подруг. За это решение Уинни пришлось жестоко поплатиться.

Объединенным общей бедой, Майским матерям приходится столкнуться с жестокой атакой журналистов. Глубоко похороненное прошлое, поступки, которые они старались забыть, их самые сокровенные секреты — постепенно все это становится достоянием публики. Однако главные вопросы — кто похитил Мидаса? где он сейчас? — по-прежнему остаются без ответов. И только подлинный материнский инстинкт сможет привести нас к разгадке.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Aimee Molloy, 2018

© Каменская М., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112026-9

Посвящается Марку

Три слепые мышки, три слепые мышки,
Смотрите, как они бегут,
Смотрите, как они бегут.

Пролог

День Матери

14 мая

Джошуа.

Я просыпаюсь, у меня жар. В окно надо мной барабанит дождь, я ощупываю простыню и вспоминаю, что рядом никого нет. Я закрываю глаза, мне удастся снова заснуть, пока я вдруг не просыпаюсь от острого приступа боли. С тех пор как он оставил меня, я каждое утро просыпаюсь больной, но сейчас я сразу понимаю, что это что-то другое.

Что-то плохое.

Идти слишком больно, я с трудом вылезая из кровати и ползу по полу, покрытому пылью и песком. Телефон лежит в гостиной, но мне некому звонить. Говорить я хочу только с ним. Мне нужно рассказать ему, что со мной, мне нужно, чтобы он сказал, что все будет в порядке. Мне нужно еще хотя бы раз напомнить ему, как сильно я его люблю.

Но он не возьмет трубку. Или хуже того, возьмет и начнет орать: он больше не намерен этого терпеть, и если я еще хоть раз ему позвоню, то...

Спина болит так, что я едва дышу. Я жду, когда боль стихнет, жду обещанной передышки, но спина не прохо-

дит. В книжках ничего об этом не говорилось, и это совсем не похоже на то, о чем рассказывали врачи. Они говорили, что боль будет усиливаться постепенно. И что я сама пойму, что надо делать. Я собиралась засесть время. Сидеть на гимнастическом мяче, который я купила на гаражной распродаже. И поехать в больницу в самый последний момент, чтобы избежать всяких аппаратов и лекарств. Всего того, что принято делать в больницах, чтобы ребенок поскорее родился, даже если твое тело еще не готово.

Я не готова. Я должна была рожать только через две недели, и я не готова.

Я собираюсь с мыслями и беру телефон. Я не звоню ему. А звоню акушерке с пирсингом, ее зовут Элбани, мы виделись всего два раза.

«Я принимаю роды и не могу ответить на ваш звонок. Если вы...»

Я беру ноутбук и ползу в ванную, сажусь на холодную плитку, положив на шею влажное полотенце. Я кладу тонкий ноутбук на выпирающий силуэт своего сына. Я захожу в почту и пишу письмо «Майским матерям».

«Не понимаю, так и должно быть? — печатаю я дрожащими руками. — Меня знобит. Боль очень сильная. Все происходит слишком быстро».

Они не ответят. Они пошли куда-нибудь ужинать, едят острые блюда, чтобы роды начались скорее, отпивают у мужа из кружки глоточек, наслаждаются спокойным вечером вдвоем (опытные матери предупреждали нас, что такого больше не будет). Они увидят мое письмо только утром.

Я слышу, что мне пришел ответ. Какая Фрэнси милая. «Началось! — пишет она. — Засеки интервал между схватками, попроси мужа давить на поясницу».

«Как ты? — пишет Нэлл через 20 минут. — Все еще болит?»

Лежа на боку, я с трудом печатаю: «Да».

Вокруг все потемнело, а когда — через десять минут или час, не знаю — я открываю глаза, я чувствую, что от шишки на затылке по телу расплывается сероватое пятно боли. Я ползу обратно в гостиную, слышу какой-то звук, похожий на вой животного, и вдруг осознаю, что звук издаю я. *Джошуа*.

Я кое-как добираюсь до дивана и заваливаюсь на подушки. Я кладу руку между ног. Кровь.

Натягиваю на ночную рубашку тонкий дождевик. Кое-как спускаюсь по лестнице.

Почему же я не собрала сумку заранее? «Майские матери» столько писали про то, что туда положить, а моя валяется в шкафу в спальне, пустая. Там нет ни «айпода» с расслабляющей музыкой, ни кокосовой воды, ни мятного масла, которое должно помочь от тошноты. Я даже не распечатала план родов. Я стою под тусклым фонарем, обхватив живот, пока не приезжает такси. Я забираюсь на липкое заднее сиденье, стараюсь не обращать внимания на настороженное лицо водителя.

Я забыла новые ползунки, в которых повезу его домой.

В больнице меня отправляют на шестой этаж, там просят подождать в приемном отделении.

— Прошу вас, — в конце концов обращаюсь я к женщине за стойкой. — Меня знобит, у меня кружится голова. Позвоните, пожалуйста, моему врачу.

Сегодня не ее смена. Сегодня вместо нее другая женщина из этой больницы, я ее никогда не видела. Я в ужасе сажусь, и тут из меня на зеленый пластиковый стул начинает течь жидкость, пахнет она как зем-

ля, в которой мы с мамой искали червей на заднем дворе.

Я иду в коридор, я должна продолжать двигаться, стоять на ногах. Я вспоминаю, какое у него было лицо, когда я ему рассказала. Он разозлился, утверждал, что я его обманула. Требовал, чтобы я избавилась от ребенка. «Ты все погубишь. Мой брак. Репутацию. Ты не можешь так со мной поступить. Я тебе не позволю».

Я не сказала ему, что уже видела зеленый мигающий свет его пульса, слышала из колонок на потолке биение сердца, похожее на звук скакалки. Не сказала, что хочу этого ребенка больше всего на свете.

Сильные руки поднимают меня с пола. Грейс. Так написано на бейдже. Грейс ведет меня в какую-то палату, обхватив за талию, и говорит прилечь. Я сопротивляюсь. Я не хочу лежать на кровати. Я хочу знать, все ли в порядке с ребенком. Я хочу, чтобы боль утихла.

— Сделайте мне эпидуральную анестезию, — говорю я.

— К сожалению, уже слишком поздно, — говорит Грейс.

Я сжимаю ее руку, грубую от мыла и больничной воды.

— Только не это. Что слишком поздно?

— Поздно делать анестезию.

Кажется, я слышу, как кто-то бежит к моей палате.

Кажется, я слышу, как он зовет меня.

Я сдаюсь и ложусь. Это Джошуа, это он зовет меня из темноты. Пришла врач. Она говорит со мной, мне что-то наматывают на предплечье, игла входит во внутреннюю сторону локтя, словно лезвие конька, разрезающее лед. Меня спрашивают, с кем я приехала и где

ИДЕАЛЬНАЯ МАТЬ

мой муж. Все плывет перед глазами, и я чувствую этот запах. Запах жидкости, которая течет из меня. Запах земли и грязи. Кости распирает изнутри. Я вся горю. Что-то явно не так.

Я чувствую давление. Я чувствую жар. Я чувствую, как мое тело и мой ребенок отделяются друг от друга.

Закрываю глаза.

Тужусь.

Глава I

Спустя 14 месяцев

КОМУ: «Майские матери»

ОТ: Ваши друзья из «Вилладжа»

ДАТА: 4 июля

ТЕМА: Совет дня

ВАШ МАЛЫШ: 14 месяцев

В честь праздника сегодняшний совет будет посвящен независимости. Вы заметили, что ваш прежде бесстрашный малыш вдруг начал всего бояться, если вас нет рядом? Милая соседская собачка превратилась в кровожадного хищника. А тень на потолке — в безрукого монстра. Это нормальный процесс, ребенок начинает осознавать, что в мире есть опасность. Ваша задача сейчас — помочь ему справиться со своими страхами, объяснить, что ему ничего не грозит. И даже если мамочку не видно, она всегда, что бы ни случилось, будет с ним рядом, чтобы защитить его.

Как быстро бежит время.

Нам так часто говорили, по крайней мере — незнакомые люди. Они клали нам руки на живот и говорили, что мы ни в коем случае не должны упустить эти счастливые моменты. Говорили, что мы даже не заметим, как

пролетит время. И как быстро они научатся ходить, заговорят и оставят нас.

Прошло четыреста одиннадцать дней, и время идет совсем не быстро. Я пыталась представить, что бы сказал доктор Г. Иногда я закрываю глаза и представляю, что сижу у него в кабинете, время почти вышло, следующий пациент нетерпеливо постукивает ногой в приемной. «Ты склонна к рефлексии, — вот что бы он сказал. — Но, что интересно, ты постоянно думаешь об отрицательных сторонах твоей жизни. Давай задумаемся о положительных».

Положительные стороны?

Мамино лицо. Порой она бывала такой безмятежной, например, когда мы вдвоем отправлялись на озеро, а по дороге заезжали по делам.

Утренний свет. Капли дождя.

Ленивые весенние дни, которые я проводила в парке. Внутри меня кувыркался ребенок, отекавшие ноги еле помещались в сандалии и были похожи на мятые персики. Это было до всех несчастий, тогда Мидас еще не стал малышом Мидасом, притчей во языцех и самой актуальной темой. Он был тогда обычным бруклинским младенцем, одним из миллиона. Он был не более и не менее необычен, чем любой другой ребенок со светлым будущим и необычным именем из дюжины детей, которые спали в узком кругу «Майских матерей».

«Майские матери». Группа мамочек. Никогда не любила это слово. Мамочка. Оно такое напряженное, надуманное. Мы не мамочки. Мы матери. Люди. Так получилось, что у нас одновременно произошла овуляция, и мы родили в один и тот же месяц. Мы не были